

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

УДК 378.4+929

А.А. Никитин

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008 г. Казань, Российская Федерация;

Национальный музей Республики Татарстан,
420011 г. Казань, Российская Федерация

«...Нельзя не прийти к... заключению, что дальнейшее пребывание господина Опацкого в университете совершенно бесполезно...»: эпизоды биографии латиниста С.Ф. Опацкого

Исследование представляет попытку реконструкции казанского этапа научной и педагогической деятельности латиниста Станислава Флориановича Опацкого (1847–?) в контексте изучения институциональной истории дореволюционного антиковедения в Казани. В процессе работы над реконструкцией «стиля жизни» профессора Опацкого был изучен корпус неопубликованных архивных документов, в настоящее время хранящихся в фонде Императорского Казанского университета (Ф. 977) Государственного архива Республики Татарстан. С целью осмысления научной биографии ученого был применен проблемно-хронологический метод, обеспечивший формирование точной картины пребывания С.Ф. Опацкого в Казани в 1885–1900 гг. Анализ отобранных архивных дел позволил

© Никитин А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

узнать о таких малоизвестных аспектах жизни ученого, как взаимоотношения с коллегами по факультету, студенчеством и университетскими служащими, их характер и влияние на жизнь латиниста и профессорской корпорации. Особое внимание уделяется коммуникации Опацкого с деканом Д.Ф. Беляевым и коллегой по кафедре Д.И. Нагуевским. Источники пролили свет на оценку научных и педагогических компетенций ученого современниками, обстоятельства назначения исследователя исполняющим должность экстраординарного профессора в 1890 г. В ходе работы была установлена история отставки ученого из университета в 1889 и 1900 гг. В результате удалось прийти к объяснению непростых взаимоотношений Опацкого с казанскими коллегами, выявить причины конфликтов и классифицировать их, определить значение пребывания Опацкого на факультете для развития античной филологии в Казани в 1890–1900 гг.

Ключевые слова: Станислав Флорианович Опацкий, Дарий Ильич Нагуевский, Дмитрий Фёдорич Беляев, Аполлон Иванович Смирнов, Александр Семёнович Архангельский, историко-филологический факультет Императорского Казанского университета, история научных институтов, казанское антиковедение, Государственный архив Республики Татарстан

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никитин А.А. «...Нельзя не прийти к... заключению, что дальнейшее пребывание господина Опацкого в университете совершенно бесполезно...»: эпизоды биографии латиниста С.Ф. Опацкого // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 14–30. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

A.A. Nikitin

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, 420008, Russian Federation;

National Museum of the Republic of Tatarstan,
Kazan, 420011, Russian Federation

“...It is impossible not to come to... the conclusion that Opacki’s further stay at the university is completely useless...”: Episodes of the biography of the latinist S. Opacki

The study is an attempt to reconstruct the Kazan stage of the scientific and pedagogical activity of the latinist Stanislaw Opacki (1847–?) in the context of studying the institutional history of pre-revolutionary antiquity in Kazan. In the process of working on the reconstruction of professor Opacki’s “lifestyle”, a corpus of unpublished archival documents was studied, currently stored in the fund of the Imperial Kazan University (Fund 977) of the State Archive of the Republic of Tatarstan. In order to comprehend the scientific biography of the scientist, a problem-chronological method was applied, which ensured the formation of an accurate picture of S. Opacki’s life in Kazan in 1885–1900. The analysis of the selected archival files made it possible to learn about such little-known aspects of the scientist’s life as relationships with colleagues at the faculty, students and university employees, their nature and influence on the life of a Latin scholar and a professorial corporation. Special attention is paid to the communication of Opacki with Dean Dmitry Belyaev and Dariusz Nagujewski, his colleague at the department. The sources shed light on the assessment of the scientist’s scientific and pedagogical competencies by contemporaries, the circumstances of the appointment of the researcher to the post of extraordinary professor in 1890. In the course of the work, the history of the scientist’s resignation from the university in 1889 and 1900 was established. As a result, it was possible to find an explanation of the difficult relationship between Opacki and his Kazan colleagues, to identify the causes of conflicts and classify them, to determine

the significance of Opacki's stay at the faculty for the development of ancient philology in Kazan in 1890–1900.

Key words: Stanislaw Opacki, Dmitry F. Belyaev, Apollon I. Smirnov, Dariusz Nagujewski, Alexander S. Arkhangelsky, Faculty of History and Philology of the Imperial Kazan University, history of scientific institutes, Kazan ancient studies, State Archive of the Republic of Tatarstan

FOR CITATION: Nikitin A.A. "...It is impossible not to come to... the conclusion that Opacki's further stay at the university is completely useless...": Episodes of the biography of the latinist S. Opacki. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 14–30. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

История кафедр римской и греческой словесности Императорского Казанского университета, равно как и история преподавательской деятельности казанских антиковедов, к настоящему времени разработаны лишь частично. Приходится признать, что за пределами внимания отечественных историографов остаются биографии и научное наследие таких личностей, как А.О. Угянский, Д.И. Нагуевский, П.П. Гвоздев, С.К. Кузнецов. Изучение биографий ученых наряду с исследованием научного наследия, административной деятельности и учебного процесса необходимо для установления характера университетских отношений [2, с. 10].

Однако комплексной истории казанского дореволюционного антиковедения к настоящему моменту так и не написано. А между тем, в XIX–XX вв. кафедры греческой и римской словесности Императорского Казанского университета прошли сложный путь, ознаменовавшийся яркой деятельностью таких исследователей, как Д.Ф. Беляев, Ф.Г. Мищенко, Д.И. Нагуевский.

В этом плане внимания заслуживает персона Станислава Флориановича Опацкого (1847–?) [4, с. 143]. Выпускник Новороссийского университета, проработавший в нескольких гимназиях империи, С.Ф. Опацкий в 1885 г. оказался в Казани, приехав в университет для усиления преподавания латинского языка. В целях раскрытия атмосферы учебного заведения того периода необходимо описать ситуацию на кафедре римской словесности в 1870–1880-х гг. После смерти эллиниста Андрея Угянского в 1870 г., замещавшего кафедру несколько лет подряд, возникла необходимость в штатном преподавателе. Но никто из российских латинистов не изъявлял желания переехать в Казань. Поэтому в 1870–1883 гг. занятия по латинскому языку и римским древностям проводили П.П. Гвоздев и Д.Ф. Беляев, пока ее наконец не занял

выпускник Новороссийского университета Дарий Ильич Нагуевский, к тому времени сложившийся специалист по латинской литературе. Тем не менее учебная нагрузка, разделявшаяся между Нагуевским и Гвоздевым на протяжении двух лет, с увольнением последнего в 1885 г., оказалась не под силу Дарию Ильичу, поэтому возник вопрос о дополнительном педагоге. Министр Просвещения, видевший бедственное положение дел, лично назначил на кафедру доцента Опацкого 13 января 1885 г.¹ Так начался казанский период научной деятельности Станислава Флориановича Опацкого (1885–1900)².

Основной массив документов, связанных с именем Опацкого, в настоящее время хранится в Государственном архиве Республики Татарстан. Всего нами было выявлено 13 дел, датируемых 1885–1900 гг. и хранящихся в фонде Императорского Казанского университета (Ф. 977) в описях «Историко-филологический факультет» (Оп. 12) и «Совет» (Оп. 4). Это официальные документы, связанные с назначением ученого в университет, его формулярный список, дела, касающиеся повышения до и.о. экстраординарного профессора, документы, связанные с процессом отставки. Среди выявленных и рассмотренных источников, наверное, самое ценное для реконструкции казанского этапа жизни и научной деятельности ученого – большое архивное дело, посвященное взаимоотношениям Опацкого с деканом и членами факультета³. Материалы представляют собой подшивку из 12 документов, созданных с 21 августа 1895 г. по 30 января 1900 г.

Начало делу было положено докладной запиской С.Ф. Опацкого на имя ректора университета от 21 августа 1895 г. В ней проситель печаловался о дурном обращении с ним членов факультета и просил при составлении расписания учитывать его личное мнение⁴. Из документа видно, что положение латиниста на факультете было настолько скверным, что каждая встреча с деканом Д.Ф. Беляевым была чревата для С.Ф. Опацкого неприятностями, подрывающими здоровье и настроение, лишая возможности полноценно работать⁵. Вследствие перманентных эксцессов, а также слабого здоровья Опацкий в 1893–1895 гг. почти не посещал заседаний историко-филологического факультета,

¹ Документы о назначении приват-доцента Луньяка, приват-доцента Опацкого в университет на кафедру классической филологии // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 7472. Л. 2.

² Там же. Л. 5–16 об.

³ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. 56 л.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же. Л. 1.

а если и присутствовал на них, то «всегда уходил расстроенным»⁶. Как отмечал сам Опацкий, он не раз просил декана пересмотреть свое отношение к нему, грозясь игнорировать заседания факультета, «но это было безуспешно»⁷.

Последней каплей терпения слабого здоровьем профессора был инцидент с составлением расписания на 1895–1896 академический год. Несмотря на предосторожности Опацкого, лично говорившего с деканом о составлении расписаний, ситуация вышла из-под контроля. Придя в университет 19 августа читать лекцию по «Анналам» Тацита, латинист не застал в аудитории студентов; через помощника инспектора выяснилось, что студенты в то время присутствовали на лекции профессора славянской филологии Е.Ф. Будде. Потрясенный ученый поехал на дом к декану с целью прояснить ситуацию, но, с его слов, декан «раскричался на меня, что я постоянно пристаю к нему с упреками!»⁸. После этого педагог откланялся, заявив, что декан не имеет права повышать на него голос при университетской прислуге. На что Беляев парировал: Опацкого «ничем напугать нельзя!»⁹.

Неизвестно, как пошел бы дальше этот процесс, если бы через неполных 2 месяца Станислав Флорианович не подал ректору вторую, обширную записку, в которой детально, со множеством конкретных примеров рассказал о своей нелегкой доле в университете. При этом проситель ограничивался упоминанием исключительно того, в чем «выражались только служебные отношения», оставляя в стороне «все то, что носит характер частных... отношений»¹⁰. Как утверждал Опацкий, неприятности он испытывал с самого назначения в университет в 1885 г. Уже первая встреча с деканом была предвестником неблагоприятного развития ситуации: «Помню, что когда я представлялся г. Декану в Университете (в феврале 1885 г.) то он принял меня выговором: зачем я приехал теперь? Мне следовало приезжать уже после каникул (?) – точно я приехал к нему в гости, по собственному побуждению, в неудобное для него время»¹¹. Отношения с деканом на протяжении почти 10 лет все сильнее и сильнее обострялись, нередко сопровождаясь обоюдным всплеском эмоций, как например в том же 1885 г., когда ученого, по его словам,

⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

приехавшего по делу на дом к декану, тот встретил при горничной криком «Что вам угодно? Чего вы приходите ко мне?», «каким встречают забравшегося в дом вора»¹².

Неприязнь декана к латинисту выходила за границы личных отношений, затрагивая сферу университетской службы. Из рассматриваемой записки можно предположить, что Дмитрий Фёдорович почти презирал своего коллегу, не ставил его ни во что, не признавал за ним каких-либо прав. Например, когда Опацкий обращался к декану по делу, то ему приходилось «долго выжидать, стоя, покуда он (декан. – А.Н.) допускал меня до слова, и частью, оборвав на первом слове, поворачивался и уходил, не давая мне возможности объясниться»¹³. Во время факультетских заседаний Опацкому «не раз становилось жутко»¹⁴. Из-за этого он два раза подавал прошение об увольнении. В первый раз – 30 сентября 1889 г. «вследствие вновь ухудшившегося состояния глаз»¹⁵, но затем попросил прекратить дело¹⁶. Во второй раз – 31 января 1890 г. из-за постоянства болезни. Но и на этот раз уволен не был¹⁷.

В 1890 г. С.Ф. Опацкий был произведен в исполняющие обязанности экстраординарного профессора по кафедре римской словесности, что, по его убеждению, обострило взаимоотношения с коллегами¹⁸. «Нередко г. Декан отвечает мне шутками и глумлением»¹⁹. Из-за этого во время факультетских заседаний Опацкий сидел и молчал, не имея возможности высказать свое мнение по вопросам²⁰. Члены факультета любили устраивать «нападки на мои выражения, нападки, поставляющие своей целью доказать, что я плохо пишу по-русски», глумились²¹ и учили Опацкого грамматике и стилистике, несмотря на то что сами они, по убеждению несчастного, допускали ошибки в процессе делопроизводства²².

¹² Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 3 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 9, 14.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

²⁰ Там же. Л. 6–6 об.

²¹ Там же. Л. 7–7 об.

²² Там же. Л. 5 об. – 6.

Частным случаем проявления негативного отношения к Опацкому могут служить многочисленные скандалы, произошедшие за эти годы на факультетских экзаменах. Латинист утверждал, что «Декан обращался к прочим экзаменаторам вежливо, ко мне же не обращался вовсе или обращался пренебрежительно, а не раз и не давал мне допросить студента»²³. К этому добавлялся антагонизм коллеги Опацкого – ординарного профессора Дария Нагуевского, который во время экзаменов вмешивался в речь Опацкого, часто не позволяя обстоятельно опросить студента²⁴, заводя, по мнению последнего, бессосновательные споры. Антагонизм Опацкого и Нагуевского проходит красной нитью через все записки Станислава Флориановича, демонстрируя непримиримость двух ученых практически по всем возможным вопросам. Центральной идеей, высказываемой Опацким, являлось то, что Нагуевский присвоил себе большинство курсов по латинской словесности и древностям, полностью поддерживаемый в этом вопросе деканом и факультетом²⁵.

Вследствие такого стечения обстоятельств, на факультете между Опацким и студентами возникали недоразумения, выражавшиеся, прежде всего в жалобах на преподавателя «...из-за опасения “строгости”»²⁶. После таких жалоб декан являлся на лекции Опацкого и таким образом, по мнению преподавателя, ронял его авторитет в глазах студентов, «в результате получались новые недоразумения», при этом поводов к ним со стороны латиниста «не бывало»²⁷. Неуважительное отношение к педагогу проявлялось в том, что студенты, сначала филологи, затем и студенты с других направлений, не кланялись при встрече, а некоторые, как братья Фирсовы, доходили до откровенных издевательств над своим преподавателем, «строя гримасы»²⁸ и присылая ему анонимные письма «неприятного содержания»²⁹. Из-за этого университетские служащие стали выказывать свое презрение Опацкому³⁰.

Возможно, мы бы увидели в этом процессе всестороннее варварское притеснение профессора Опацкого, если бы не имели в своем доступе документов Беляева и Нагуевского. Именно эти источники корректируют представление о сущности дела.

²³ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 4 об.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 8–9.

Некогда профессор Беляев подготовил две обширные записки на имя ректора университета. В первой записке он детально характеризует моральную сущность своего коллеги в емких фразах: «Г. Опацкий, по-видимому, всегда отличался неустойчивым, раздражительным характером и поэтому в течение своей непродолжительной службы несколько раз переменял место служения... Свои качества он скоро проявил и здесь, но его неустойчивость и обидчивость не проявлялись слишком часто и резко, пока он был приват-доцентом. Назначенный и.д. э.о. профессора... г. Опацкий перестал жаловаться на болезнь глаз, но зато стал решительнее и в более резкой форме проявлять свою обидчивость и раздражительность, усматривая в самых обычных словах и действиях, в несогласии с ним и возражениях ему личные обиды, умаление его прав и значений, даже преследование и притеснение... Проявленные в этих случаях вспышки раздражительности были до того резки и неожиданны, что их можно было объяснить только болезненным состоянием г. Опацкого...»³¹. «Вообще г. Опацкий склонен видеть обиду там, где никому и в голову не приходило усмотреть что-нибудь подобное, но г. Опацкий видит в таких случаях не только обиду, но и намеренное оскорбление и унижение своего достоинства»³². Из этого пассажа можно заключать, что Опацкий сам в немалой степени был виновником неприятностей, случившихся с ним, будучи человеком со специфическим нравом.

Ключ к разгадке дают сведения, сообщаемые двумя людьми, знакомыми с Опацким, – попечителем Казанского учебного округа Н.Г. Потаповым и университетским медиком Л. Даршкевичем. Из разговоров с попечителем Н.Г. Потаповым Беляев тогда узнал, что Опацкий «человек крайне <нрзб>, обидчивый и раздражительный»³³. После этого Беляев старательно избегал контактов с Опацким, имев с ним за два года только 2–3 прямых встречи, причем по инициативе Опацкого, который начинал говорить «не поздоровавшись и делал какие-нибудь реприманды, на которые я обыкновенно не отвечал, чтобы не раздражать его»³⁴.

Решающими в этом деле стали показания университетского медика Даршкевича, констатировавшего, что Опацкий страдает «наследственной

³¹ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 13–13 об.

³² Там же. Л. 15.

³³ Там же. Л. 14.

³⁴ Там же.

неврастенией», при этом и сам Опацкий сам себя называет неврастеником с совершенно расстроенным здоровьем³⁵.

Как считал Беляев, жаловаться на таких неврастеников было бесполезно: «они имеют, так сказать, патент на невменяемость»³⁶. Как же декан намерен поступать с таким человеком? «...Если бы он был здоров, можно было бы ему заявить: “поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали”», но г. Опацкий – «человек больной, как он и сам заявляет и поэтому давать ему подобные советы едва ли возможно»³⁷. А пока Беляев и другие члены факультета ждали, пока болезнь Опацкого не дойдет до такой стадии, что это станет очевидно не только его лечащему врачу, но и врачебному губернскому правлению. Иными словами, члены факультета ожидали разрешения ситуации самой по себе. Но исполнение требования ректора, чтобы члены факультета общались с Опацким гуманнее, по мнению декана, было невозможным, ведь «факультет не больница, а члены факультета не больничные служащие и не крепостные г. Опацкого, обязанные беспрекословно и покорно исполнять его капризы и смиренно переносить его выговоры и порицания»³⁸.

Во второй записке на имя ректора Беляев также доказывал скверный характер своего коллеги, приводя серию конкретных примеров. «Где же эти глумления, оскорбления, издевательства и т.п. проступки и преследования?»³⁹, – недоумевал он. «Докладная записка г. Опацкого доказывает очень ясно, что автор ее очень озлоблен и совершенно невменяем»⁴⁰.

У Опацкого действительно с самого начала появились недоброежелатели на факультете как у ученого, назначенного министерством⁴¹. В чем же была причина заочного нерасположения к латинисту? Введение нового университетского устава 1884 г. усилило академическую мобильность [1, с. 88], став источником противоречий между свободлюбивой университетской корпорацией и бюрократией [5, с. 97]. Попасть на факультет можно было двумя способами: пройти конкурс или быть назначенным сверху, решением министра просвещения.

³⁵ Документы о взаимоотношениях и д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 17.

³⁶ Там же. Л. 17 об.

³⁷ Там же. Л. 18.

³⁸ Там же. Л. 18 об.

³⁹ Там же. Л. 20 об.

⁴⁰ Там же. Л. 23.

⁴¹ Там же. Л. 19 об.

Профессура выступала против второго способа, стремясь сохранить в своих руках контроль над рекрутированием профессорской корпорации [З, с. 75], по этой причине к назначаемым ученым большинство членов факультета относилось с предубеждением. Беляев, защищая своих коллег от обвинений, объяснял: «В нашем факультете, напротив, очень ласково встречали и принимали в свою сферу тех назначенных профессоров и приват-доцентов, которые не имели в самих себе отталкивающих качеств и вели себя по-товарищески»⁴². Иными словами, у Опацкого был шанс зарекомендовать себя на новом месте службы с самого момента назначения, но в его случае этого не произошло.

Примером крупной уступки Опацкому служит его назначение исполняющим обязанности экстраординарного профессора 5 мая 1890 г.⁴³, которое было сделано для того, чтобы латинист получал полную пенсию по выходу в отставку по состоянию здоровья, причем «со слезами на глазах униженно просил об этом... попечителя Масленникова и меня (Беляева. – А.Н.) и уверял, что подаст в отставку, как только будет сделан экстраординарным профессором, но потом этого обещания не исполнил и обижался, когда его по обыкновению, при встрече, спрашивали о здоровье»⁴⁴. «Но, сделавшись и.д. э.о. профессора, г. Опацкий запел другую песню и стал действовать наступательно, вероятно, благодаря быстрому развитию и усилению констатированной у него наследственной неврастении...»⁴⁵. В характеристике Опацкого на имя ректора Беляев рисовал своего коллегу весьма комплементарно: «исполнял возложенные на него обязанности со знанием дела и образцовым усердием, и аккуратностью»⁴⁶.

Причиной неустойчивого поведения Опацкого, по мнению декана, была прогрессирующая болезнь. Согласно показанию врача Л. Даршкевича, «нервное расстройство г. Опацкого соединяется с чрезмерной нервной возбудимостью и притом в такой степени, что г. Опацкий

⁴² Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 25 об.

⁴³ О назначении приват-доцента Опацкого и.д. экстраординарного профессора // Там же. Д. 1508. Л. 3; Переписка с учебным округом о назначении приват-доцента Опацкого С.Ф. – экстраординарным профессором по кафедре классической филологии // Там же. Д. 8343. Л. 1.

⁴⁴ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. Л. 24 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ О назначении приват-доцента Опацкого и.д. экстраординарного профессора // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1508. Л. 1.

признает себя неспособным к службе»⁴⁷. Некоторые коллеги Беляева даже полагали, что Опацкий притворялся невменяемым, чтобы получить увольнение от службы, но «докторское свидетельство и его докладная записка показывают, что мы имеем дело с человеком совершенно ненормальным, которому все представляется в извращенном виде»⁴⁸. «К сожалению, болезнь г. Опацкого дошла до такой степени развития и приняла такое направление, что он становится не только неприятным, но и опасным, тем более что говорят, что он постоянно носит при себе револьвер», поэтому Беляев считал ненужным далее разбирать дело человека, который ничего лучше не умеет, как «вести свой вымышленный мартиролог»⁴⁹. Болезнь Опацкого обострялась, и от него стали ожидать еще худших инцидентов, чем выговоры и жалобы, если не принять каких-нибудь мер против этого⁵⁰.

Обе записки декана оказали решающее влияние на дальнейший ход дела. Из характеристики процесса на имя ректора становится очевидно, что «фактическая сторона в изложении г. Опацкого не всегда верна»⁵¹, необходимо подвергнуть Опацкого осмотру медиков и психиатров⁵². На этом первый этап следствия заканчивается, его итоги неизвестны, но можно предположить, что ответ Беляева на время сдержал выходки Опацкого.

Новый виток дела произошел спустя 3 года, в ноябре 1898 г. Особенностью данного этапа стала концентрация критики Опацкого на своем непримиримом сопернике Дарии Нагуевском. Критика сводилась по большей части к несправедливому разделению учебных полномочий между Опацким и Нагуевским. По мнению Опацкого, это проявлялось в том, что Нагуевского поддерживают декан и факультет, вносявшие сумятицу в расписание Опацкого и личная антипатия Нагуевского: «оборвать меня на первом слове, в то время как ему и другим никто не мешает говорить сколько и когда угодно, даже повторяя уже сказанное и многократно начиная речь по одному и тому же вопросу»⁵³.

⁴⁷ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 21 об.

⁴⁸ Там же. Л. 23 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Л. 26 об.

⁵¹ Там же. Л. 27–27 об.

⁵² Там же. Л. 27 об.

⁵³ Там же. Л. 28.

На этот раз отвечать на обвинение вместо ушедшего в отставку по болезни Беляева пришлось самому Нагуевскому. Две его записки на имя ректора обрисовывают компетенции своего младшего коллеги, который страдает «крайней неуживчивостью и самомнением...»⁵⁴. Очевидно, что раздор между ними начался в 1886 г., когда Опацкий подал диссертацию «О так называемом *perfectum logicum*»⁵⁵. Нагуевский, исследовав сочинение, пришел к заключению, что работа «эта лишена совершенно научного достоинства и не отвечает требованиям, предъявляемым для получения высшей ученой степени»⁵⁶. Нагуевский высказал свое суждение официально⁵⁷. Подобного мнения ранее придерживался и Беляев, считавший главной причиной неприязни Опацкого к членам факультета непризнание его докторской диссертации⁵⁸. За эти годы Опацкий «не только не пытался защитить диссертацию... не напечатал ни одного труда, ни одной статьи по своей специальности. <...> Вся ученая деятельность его за это время ограничилась только перепечаткой школьного издания краткого латинского синтаксиса и статей для 5 класса гимназии, изданных единственно в целях материальной выгоды»⁵⁹.

Характеризуя педагогическую деятельность своего коллеги, Нагуевский иронизировал: «Оставшись служить, он столь же мало заботился о научном развитии и усовершенствовании своих чтений и практических занятий в должности и.о. э.о. профессора, как и в должности приват-доцента»⁶⁰. Все чтения Опацкого в университете ограничивались школьными авторами: Овидий, Ливий, Гораций. Общие курсы он вообще не читал. «Курсы метрики и просодии вел до того неудачно, что слушавшие этот курс сбивались в чтении гекзаметра...»⁶¹. Да и Беляев приводил, но вкратце, схожее суждение: «Да и трудно допустить, чтобы г. Опацкий смог заинтересовать слушателей: дальше школьной латин-

⁵⁴ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 44 об.

⁵⁵ Прошение приват-доцента Опацкого о рассмотрении диссертации для получения степени доктора и о допущении к диспуту // Там же. Д. 7538. Л. 2.

⁵⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. Л. 41–41 об.

⁵⁷ Разбор сочинения приват-доцента Опацкого «О так называемом», представленного на соискание степени доктора классической филологии // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1318. Л. 2, 3–35.

⁵⁸ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 25.

⁵⁹ Там же. Л. 41.

⁶⁰ Там же. Л. 42.

⁶¹ Там же.

ской грамматики он не пошел и не может пойти в своих занятиях. Ученым филологом его никто не считает из людей компетентных и назначен он, сколько я знаю, приват-доцентом не ради учености, а ради латинской грамматики, когда требовались усиленные занятия ею»⁶². Вердикт: Опацкий не является компетентным специалистом в области римской словесности. Вердикт Нагуевского гораздо строже: «нельзя не прийти к... заключению, что дальнейшее пребывание г. Опацкого в университете совершенно бесполезно...»⁶³.

Это не прошло даром Дарию Ильичу. Через месяц ему пришлось готовить вторую записку, очевидно, в ответ на усилившиеся нападки со стороны коллеги: «оградить меня от дальнейших претензий и инсинуаций г. Опацкого, пренебрегавшего всегда как научными интересами, так и корректным образом действий добропорядочного члена университетской коллегии»⁶⁴. В свое оправдание Нагуевский заявлял, что «никогда не препятствовал Опацкому читать историю литературы и древности...»⁶⁵.

За своего коллегу вступился новый декан факультета профессор А.И. Смирнов, подготовивший для ректора подробный обзор службы Опацкого в университете. Для Смирнова подобная работа не была новой: еще в конце 1897 г. ему пришлось объяснять ректору, почему Опацкий жаловался на профессора А.С. Архангельского⁶⁶. Уже тогда Смирнов полагал, что «все это делает его присутствие и участие... нежелательным, даже вредным»⁶⁷. Риторика Смирнова во многих случаях совпадает с риторикой Беляева и Нагуевского: то же объяснение психического расстройства Опацкого (доходившее до бранных выражений⁶⁸), его абсолютная некомпетентность в вопросах специальности, то же описание антагонизма с Нагуевским⁶⁹. Причину жалоб Опацкого декан видит в нем самом: «Таким образом причина стесненного

⁶² Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 24–24 об.

⁶³ Там же. Л. 43.

⁶⁴ Там же. Л. 46 об.

⁶⁵ Там же. Л. 45 об.

⁶⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9755. Л. 1.

⁶⁷ Документы о жалобе и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. на ординарного профессора Архангельского А.С. // Там же. Л. 3.

⁶⁸ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. Л. 49 об.

⁶⁹ Там же. Л. 52, 54 об.

положения, в котором чувствует себя С.Ф. Опацкий как член факультета и профессор римской кафедры, заключается в нем самом, в неправильном отношении, как к самому делу преподавания, так и в его личных особенностях»⁷⁰. Итогом пребывания Опацкого на кафедре Смирнов видит в нарушении преемственности поколений ученых, отсутствие за 15 лет новых магистров римской словесности⁷¹.

Казанский период жизни С.Ф. Опацкого вскоре закончился благодаря ему самому⁷². 4 января 1900 г. Опацкий на имя ректора подал прошение⁷³ об отставке, но только после осмотра врачом по истечении 25-летнего срока службы (21 января 1900 г.)⁷⁴ ученого для возможности получения пенсии⁷⁵ заслуженного профессора. Несмотря на однозначный диагноз врачей – неизлечимая болезнь⁷⁶, старания латиниста не увенчались успехом: он был уволен с пенсией в 2000 р. 26 марта 1900 г. высочайшим приказом⁷⁷. Его дальнейшая судьба неизвестна. С увольнением Опацкого встал вопрос о замещении кафедры римской словесности⁷⁸. На факультете было принято решение прозондировать российские университеты о наличии приват-доцентов, готовых взять на себя обязанности Опацкого. Тем не менее кафедра целых 4 года оставалась вакантной, пока ее не занял Б.В. Варнеке.

История службы Опацкого в Императорском Казанском университете свидетельствует, что в сложившейся ситуации в определенной степени были виноваты члены факультета, видевшие в Опацком

---

⁷⁰ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 55 об.

⁷¹ Там же. Л. 54 об.

⁷² Документы об увольнении приват-доцента Опацкого С.Ф. по болезни, с назначением ему пенсии // Там же. Д. 8182. 17 Л.

⁷³ Документы об увольнении и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Д. 10198. Л. 1.

⁷⁴ Об исполнении срока 25-летней службы и.д. экстраординарного профессора Опацкого // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1768. Л. 1.; Переписка с ректором университета и Управляющим Учебным округом о 25-летию службы и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Оп. 4 (Совет). Д. 10094. Л. 1.

⁷⁵ Документы об увольнении и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Д. 10198. Л. 19.

⁷⁶ Об увольнении от должности Опацкого и оставлении при университете Мищенко // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1802. Л. 1.

⁷⁷ Переписка с ректором университета и Управляющим Учебным округом о 25-летию службы и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Оп. 4 (Совет). Д. 10094. Л. 11, 15.; Об увольнении от должности Опацкого и оставлении при университете Мищенко // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1802. Л. 2.

⁷⁸ Об усилении преподавательского штата по кафедре римской словесности // Там же. Д. 1738. Л. 5.

назначенца Министерства народного просвещения. Однако в большей степени на ухудшение взаимоотношений между ученым и университетским окружением повлияли трудности личного, а именно психического характера: наследственная неврастения, к которой можно добавить еще и необоснованную амбициозность Опацкого, приводила к непредсказуемым поворотам в его поступках, что логично привело к отставке ученого.

Можно утверждать, что рассмотренный нами эпизод из истории Казанского университета демонстрирует сложившиеся к началу XX в. под влиянием университетского законодательства и национальной академической традиции противоречия корпоративного характера, раскрывая специфику повседневных отношений в профессорской среде и уточняя ранее неизвестные факты из биографий казанских ученых.

Библиографический список / References

1. Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93. [Andreev A.Yu. Mobility of professors in the university system of the Russian Empire of the XIX – early XX century. *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2020. Issue 97. Pp. 68–93. (In Rus.)]
2. Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoj kultury v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan, 2005.]
3. Грибовский М.В. Замещение профессорских должностей в российском дореволюционном университете: назначение vs выборы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 71–76. [Gribovsky M.V. Replacement of professorships in a Russian pre-revolutionary university: Appointment vs election. *Bulletin of Tomsk State University*. 2017. No. 423. Pp. 71–76. (In Rus.)]
4. Загоскин Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 1. Казань, 1904. [Zagoskin N.P. *Biograficheskiy slovar professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Kazan University]. Part 1. Kazan, 1904.]
5. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Ч. II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. С. 89–101. [Novikov M.V., Perfilova T.B. The University charter of 1884: The illusion of academic freedom (Part II). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2015. No. 1. Pp. 89–101. (In Rus.)]

Сведения об авторе / About the author

Никитин Антон Андреевич – магистрант кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет; младший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела, Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань

Anton A. Nikitin – master degree's student at the Department of Russian History and Archival Science of the Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University; Junior Researcher at the Scientific Exposition Department, National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

E-mail: anton.nikitin.14@mail.ru